

Некоторые аспекты обеспечения в уголовном процессе РФ международных стандартов в области прав человека

Конституция РФ признала общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ составной частью российской правовой системы, провозгласив при этом их приоритет перед внутригосударственным законодательством (ч.4 ст.15).

Данное конституционное положение представляет собой акт общей трансформации (преобразования) норм международного права в нормы внутреннего права, который таким образом инкорпорировал (включил) первые в правовую систему Российской Федерации. С нашей точки зрения, теперь международно-правовые нормы признаны частью национального права, что требует рассматривать их как национально-правовые, т.е. действующие на территории России. В свою очередь, это позволяет признать общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры источником внутригосударственного права нашей страны.

Для такой правовой отрасли, как уголовно-процессуальное право, особое значение имеет та группа норм международного права, которая определяет права и свободы человека в сфере уголовного судопроизводства.

Сравнительный анализ этих норм с положениями Конституции РФ позволяет заключить, что в целом раздел 2 Основного закона нашего государства «Права и свободы человека и гражданина» удовлетворяет требованиям международных стандартов, устанавливающих права личности в уголовном судопроизводстве и закрепляет положения, соответствующие многим принципам и нормам международного права.

Среди них можно назвать, например, следующие:

- право на свободу и личную неприкосновенность (ч.2 ст.22 Конституции, ст.3 Всеобщей декларации прав человека (далее по тексту — Декларация), ст.9 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — Пакт), ст.5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция));

*© Таран А.С., 2003

- право на неприкосновенность частной жизни, жилища (ст.23-25 Конституции, ст.12 Декларации, ст.17 Пакта, ст.8 Конвенции);
- право на судебную защиту прав и свобод (ст. 46 Конституции, ст.8 Декларации, ст.2 Пакта);
- принцип публичного судебного разбирательства (ст. 123 Конституции, ст.14 Пакта, ст.6 Конвенции);
- презумпция невиновности (ст. 49 Конституции, п.1 ст.11 Декларации, п.2 ст.14 Пакта, п.2 ст.6 Конвенции);
- право обвиняемого быть судимым в его присутствии и участвовать в судебном разбирательстве на основе полного равенства (ст. 123 Конституции, ст.14 Пакта, ст.6 Конвенции) и другие.

Необходимо подчеркнуть, что будучи закрепленными в Основном законе РФ, нормы международного права не утрачивают своего международно-правового статуса и должны применяться и толковаться в свете иных норм международного происхождения.

Вместе с тем, многие положения международно-правовых норм, определяющих права человека в сфере уголовного судопроизводства, не нашли отражения в Конституции РФ.

Это, в частности, такие права, как:

- право обвиняемого быть в срочном порядке уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого обвинения (п. 2 ст.5 Конвенции, п.2 ст.9 Пакта);
- право обвиняемого быть судимым без неоправданной задержки (п. 3 «с» ст.14 Пакта, п.1 ст.6 Конвенции) и некоторые другие.

Независимо от того, получили ли нормы международного права закрепление в Конституции или нет, их реализация в отечественном уголовном судопроизводстве имеет особое значение, Исходя из общих начал права, можно заключить, что применение принципов и норм международного права в области прав человека в уголовном процессе России должно иметь две формы:

- первая основана на действии презумпции соответствия закона международному праву, которая устанавливает принцип благоприятного толкования норм закона. Он заключается в том, что закон толкуется таким образом, чтобы его содержание не противоречило международно-правовым нормам. В данном случае можно говорить о косвенном применении норм международного права¹;

- вторая используется при явном противоречии законодательства международному праву. В этом случае правоприменитель, осуществляя свою деятельность, непосредственно опирается на международно-правовые нормы. При этом происходит их прямое применение.

Обеспечение и защита прав и свобод человека — обязанность всех государственных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность. Однако из ст.46 Конституции РФ, в которой сказано, что «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» следует, что суд является основой механизма защиты этого правового института.

Необходимо отметить, что решение в Конституции вопроса о соотношении внутреннего и международного права в духе концепции правового государства не устранило проблему претворения в жизнь требований международно-правовых норм на территории Российской Федерации. Одной из причин этого является менталитет правоприменителей, ориентирующий их на руководство в своей деятельности исключительно нормами внутригосударственного права².

Все это приводит к тому, что вопрос о соответствии положений уголовно-процессуального законодательства РФ международным нормам в области прав человека остается актуальным даже в свете положений ч.4 ст.15 Конституции РФ. Приведение уголовно-процессуального законодательства в соответствие с международными нормами в области прав человека являлось одной из первостепенных задач при разработке нового УПК РФ, ибо в свое время правовая система России была признана Парламентской ассамблеей Совета Европы не отвечающей европейским стандартам³.

Было бы ошибкой утверждать, что уголовный процесс России находился в принципиальном противоречии с этими стандартами. Напротив, ряд положений отечественного уголовно-процессуального законодательства предоставлял и предоставляет более широкие права участникам уголовного процессуальных правоотношений, чем нормы международного права. Так, в отличие от Пакта (п.3f ст.14) и Конвенции (п.3e ст.6), российское законодательство (ч.2 ст.18 УПК РФ, ранее — ст.17 УПК РСФСР) предусматривает возможность пользоваться бесплатными услугами переводчика не только обвиняемым, но и всеми участниками процесса, не владеющими языком, на котором ведется производство по делу. По правилам уголовного судопроизводства нашей страны, необходимо обеспечить доступ к материалам дела и предоставить время для защиты обвиняемому и защитнику — каждому в отдельности (ст.ст. 215, 217 УПК РФ, по УПК РСФСР — ст.ст. 201-202), в то время как для соблюдения требований п.3b Конвенции достаточно обеспечить реализацию этого права только в отношении одного из них. Как известно, длительное время в отечественной науке уголовно-процессуального права положения ст.47 УПК РСФСР, определяющие момент допуска адвоката в дело,

подвергались критике как существенно ограничивающие возможность пользоваться помощью защитника на досудебных стадиях уголовного процесса⁴. По сравнению с УПК РСФСР новый УПК РФ существенно расширил возможности вступления защитника в дело на ранних этапах уголовного процесса⁵. Однако следует отметить, что даже УПК РСФСР предоставлял значительно большие возможности для осуществления защиты по сравнению с нормами международного права. Последние основное внимание обращают на реализацию этого права на этапе судебного разбирательства и только в особых случаях допускают его осуществление до суда⁶.

Можно привести еще ряд примеров того, что действующее законодательство в ряде случаев предусматривает больший круг процессуальных гарантий для участников процесса, чем международные нормы. Однако для нас особый интерес представляет изучение вопроса о том, какие противоречия существуют между российским уголовно-процессуальным законодательством и международными нормами о правах человека, как они преодолеваются на практике, а также то, как должны быть решены проблемы, имеющиеся в уголовном процессе России, с точки зрения международного права.

Мы, конечно, в связи с ограниченностью объема данного исследования, не сможем затронуть все аспекты этой проблематики, поэтому остановимся только на отдельных вопросах, связанных с обеспечением прав граждан при ограничении свободы. В уголовно-процессуальной науке положения законодательства, регламентирующие ограничение конституционного права на неприкосновенность личности всегда были объектом пристального внимания. Многие процессуалисты уже отмечали в этой связи отдельные недостатки уголовно-процессуального законодательства, однако в свете вступления в силу нового УПК РФ анализ положений последнего в аспекте норм международного права приобретает особое значение.

Прежде всего важен вопрос о реализации в уголовном процессе РФ следующих гарантированных международными нормами прав граждан, подвергнутых аресту или задержанию:

- 1) право не быть подвергнутым задержанию или аресту без достаточных оснований;
- 2) право быть уведомленным о причинах ареста и предъявляемом обвинении.

Каждую из указанных гарантий следует рассмотреть отдельно.

1. Право не быть подвергнутым задержанию или аресту без достаточных оснований. Согласно п.1 ст.9 Международного пакта о гражданских и политических правах, «...Никто не может быть подвергнут

произвольному аресту или содержанию под стражей...». В соответствии с п.3 этой же статьи «...Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом...».

Таким образом, нормы международного права требуют, чтобы арест применялся как исключительная мера, ограничивающая свободу человека, и только в строго установленных случаях.

Что касается оснований задержания, то п.с1 ст.5 Конвенции решает этот вопрос следующим образом: человек может быть лишен свободы «... в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что задержание необходимо для предотвращения совершения им правонарушения или чтобы помешать ему скрыться после его совершения». Согласно 36 принципу Свода принципов защиты всех лиц, подвергающихся задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, от 9 декабря 1988г., арест или задержание лица, которое в силу действия презумпции невиновности считается невиновным, должны осуществляться «...только в целях отправления правосудия...».

Оценивая соблюдение этих положений в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, следует отметить, что в целом основания для применения задержания и заключения под стражу, установленные ст.91, 97 УПК РФ, соответствуют их требованиям.

В новом УПК РФ отсутствует норма, аналогичная ч.2 ст.96 УПК РСФСР, согласно которой к лицам, обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений, заключение под стражу могло быть применено по мотивам одной лишь опасности преступления. Очевидно, что применение данной меры пресечения только на основании этого формального критерия являлось бы нарушением вышеназванных положений международного права, поскольку тяжесть обвинения не считается ими достаточным основанием полагать, что обвиняемый «скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью...».

В свете вышеизложенного представляется правомерным установление в свое время Пленумом Верховного Суда РФ положения о том, что указание ч.2 ст.96 УПК РСФСР «... не освобождает судью от обязанности тщательно проверить законность и обоснованность избрания такой меры пресечения и не лишает его права отменить либо изменить ее при наличии к тому оснований»?

2. *Право быть уведомленным о причинах ареста и предъявляемом обвинении.* Право гражданина знать, в чем его обвиняют, является важной гарантией его права на защиту. Обеспечение этого права осо-

бенно важно в отношении лиц, свобода которых в рамках уголовного судопроизводства принудительно ограничивается, поскольку только в этом случае они смогут оспорить законность и обоснованность ареста или задержания в связи с непричастностью к совершению того, в чем их обвиняют или подозревают, либо в связи с совершением не того деяния, за которое можно задерживать или арестовывать.

Поэтому первое требование, установленное нормами международного права к процедуре ограничения свободы — своевременное информирование задержанного или арестованного о причинах и основаниях применения к нему указанных мер принудительного характера.

Согласно п.2 ст.9 Пакта, «Каждому арестованному сообщаются при аресте причины его ареста и в срочном порядке сообщается любое предъявленное ему обвинение». Аналогичные положения содержатся в п.2 ст.5 Конвенции, в которой говорится о «незамедлительном» представлении таких сведений.

Нетрудно заметить, что в данных нормах содержатся два требования:

- 1) сообщить «при аресте» или «незамедлительно» причины ареста;
- 2) сообщить «в срочном порядке» или «незамедлительно» любое имеющееся к этому времени обвинение.

Что касается реализации в уголовном процессе России первого положения, то причины задержания задержанный может узнать из протокола, в котором, согласно ч.2 ст.92 УПК РФ, должны указываться его основания и мотивы. Длительное время уголовно-процессуальное законодательство не определяло конкретного срока, который должен был пройти с момента задержания до его составления. Вместе с тем, учитывая, что письменное сообщение прокурору согласно ч.3 ст.122 УПК РСФСР должно было быть представлено в течение 24 часов, можно было сделать вывод, что этим временем законодатель и ограничил срок составления протокола.

Согласно трактовке указанных выше требований международно-правовых норм Европейской комиссией по правам человека и Европейским судом по правам человека, «незамедлительное» сообщение причин ареста предполагает, что задержанный должен извещаться о них до, в момент или спустя несколько часов после ареста⁶.

Таким образом, положениям международного права соответствовало бы закрепление в уголовно-процессуальном законе конкретного срока, в течение которого должен составляться протокол задержания. При этом он не должен длиться более двух-трех часов с момента задержания.

В ч.1 ст.92 УПК РФ установлено требование о составлении протокола не позднее 3-х часов с момента доставления задержанного к органу дознания, следователю и прокурору. Очевидно, что данное положение уголовно-процессуального закона несколько иначе определяет тот процессуальный момент, с которого исчисляется предельно допустимый срок составления протокола. Момент фактического задержания подозреваемого, безусловно, не совпадает с моментом его доставления к вышеуказанным органам и должностным лицам. Это позволяет сделать вывод об отсутствии в уголовно-процессуальном кодексе РФ гарантий реализации указанных положений норм международного права, соблюдение которых в каждом отдельном случае будет зависеть от оперативности работы правоприменителей.

Что касается заключения под стражу, то основания применения данной меры пресечения излагаются в постановлении следователя о возбуждении ходатайства перед судом о применении данной меры пресечения, в котором, согласно ч.3 ст.108 УПК РФ должны содержаться указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется лицо, мотивы и основания для избрания этой меры пресечения. Постановление следователя подлежит рассмотрению судом в присутствии подозреваемого, обвиняемого (ч.4 ст.108 УПК РФ), в самом постановлении, согласно приложению к УПК РФ №81, судья должен обосновать свое решение о применении заключения под стражу, данное постановление направляется подозреваемому или обвиняемому (ч.7 ст.108 УПК РФ). Все это позволяет заключить, что действующий УПК РФ установил достаточный набор гарантий для того, чтобы обвиняемый или подозреваемый получил информацию об основаниях ограничения свободы своевременно.

Если говорить о втором требовании вышеназванных норм международного права — о предъявлении обвинения «в срочном порядке», — то оно актуально именно в отношении подозреваемого, поскольку обвиняемому, по российскому законодательству, обвинение должно быть предъявлено не позднее трех суток со дня вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (ч.1 ст.172 УПК РФ)⁹. Подозреваемый же, согласно ст.100 УПК РФ, до предъявления обвинения может находиться под арестом в течение 10 суток.

В отечественной литературе уже отмечался тот факт, что во всех цивилизованных странах обвинение предъявляется не позже, чем через 2-4 дня после ареста (задержания)¹⁰.

Приходится констатировать, что в этой части очевидно нарушение в нашей стране норм международного права, поскольку нахождение под арестом в течение 10 суток без официального обвинения

является нарушением права гражданина на его получение «незамедлительно» или «в срочном порядке». Поэтому следует негативно оценить воспроизведение в УПК РФ соответствующих положений ст.90 УПК РСФСР.

В этой связи хотелось бы отметить, что международным стандартам в области прав человека в большей степени отвечала ч.4 ст.160 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участниц СНГ, которая предусматривала обязательное предъявление обвинения подозреваемому, к которому предполагается применение меры пресечения, связанной с содержанием в неволе, до истечения 48 часов с момента взятия под стражу¹.

В данной статье затронуты только некоторые аспекты проблемы реализации в уголовном процессе России прав личности, гарантированных международно-правовыми нормами, которая приобрела особую актуальность в свете разработки и вступления в силу УПК РФ. Однако даже на их примере видно, что в новом УПК были устранены многие противоречия, существовавшие между отечественным уголовно-процессуальным законодательством и нормами международного права. В то же время отдельные проблемы, связанные с претворением в жизнь международно-правовых норм, остались. Все это требует дальнейшего развития как правоприменительной практики, так и уголовно-процессуального законодательства в направлении приведения уголовного судопроизводства России в соответствие с требованиями международных стандартов в области прав человека.

Примечания

¹ К ней часто прибегает Конституционный Суд РФ для установления смысла положений Конституции РФ. Так, в 18 принятых им постановлениях по делам о проверке конституционности уголовно-процессуальных норм, в обоснование своей позиции Конституционный Суд 20 раз ссылаясь на Пакт, 11 — на Конвенцию, 4 — на Декларацию. Дважды он опирался на Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью от 29 ноября 1985 года, а также на Процедуры эффективного осуществления основных принципов независимости судебных органов, одобренные резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 1989/60 от 24 мая 1989 года. Кроме того, при вынесении Постановления от 13.06.1996 года по делу В.В.Щелухина Конституционный Суд сослался на Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме от 9 декабря 1988 года.

² Так, 63% опрошенных нами судей признались, что если при рассмотрении дела они обнаружат противоречие нормы уголовно-процессуального закона положениям общепризнанных принципов и норм международного права,

международных договоров РФ, то они применяют действующее уголовно-процессуальное законодательство. Еще 16% судей указали, что в данном случае они обратятся с запросом в Конституционный Суд РФ, хотя, как известно, высший орган конституционного контроля не рассматривает вопросы о соответствии законов РФ международно-правовым нормам. 2% опрошенных затруднились ответить на указанный вопрос. Только 19% судей заявили, что в указанной ситуации они применяют нормы международного права.

При этом далеко не все судьи считают, что международные акты могут содержать уголовно-процессуальные нормы: 29% опрошенных не признали общепризнанные принципы и нормы международного права источниками уголовно-процессуального права, 62% оценили таким же образом правовое значение международных договоров РФ.

² См.: Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России: Учебно-практическое пособие. М.: Спарк, 1997. С.6.

⁴ Так, ученые критиковали положение ст.47 УПК, как ограничивающее право подозреваемого на защиту и предлагали предоставить ему возможность пользоваться помощью защитника с момента применения любой меры пресечения, а не только ареста. См.: Куцова Э.Ф. Вопросы применения закона и перспектив развития уголовно-процессуального законодательства России // Вестник Московского университета. Сер.И. Право, 1994. №5. С.47.

⁵ См.: п.п.2,4,5 ч.3 ст.49 УПК РФ.

⁶ См.: Алексеева Л.Б., Жуйков В.М., Лукашук И.И. Международные нормы о правах человека и применение их судами РФ: Практическое пособие. М.: Права человека, 1996. С.191-192.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 года «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М.: Спарк, 1995. С.557.

⁸ См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: Право и практика. М.: МНИМП, 1998. С.183-184.

⁹ В этом аспекте ст.148 УПК РСФСР, устанавливающая двухдневный срок для предъявления обвинения, в большей степени отвечала указанным требованиям норм международного права.

¹⁰ См.: Рогаткин А., Петрухин И. О реформе уголовно-процессуального права. // Законность. 1996. №2. С.41.

¹¹ Модельный Кодекс для государств — участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт, принятый на седьмом пленарном заседании межпарламентской ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года.